

1 1 ДЕК 1971

г. Челябинск

Газета №

НА СЦЕНЕ Челябинской филармонии идет спектакль эстрадного экзотического театра «Трибуны клоуна». В роли клоуна Леонид Енгибаров. Зал покорен артистом, и взрывы аплодисментов следуют один за другим. Лишь подчиняясь их бурной стихии, тихо смыкая ладони в нехоту аплодировать.

Артист еще только вызвал на сцену. В его руках вспыхнул трепетный слабый огонь спички, и вот уже волшебным светом наполнился старинный фонарь, который по воле клоуна то меркнет, то разгорается все ярче и ярче. Это первая сцена спектакля и, поверьте, ключ к нему. В ее финале артист прижимает свой сказочный фонарь к груди, словно приглашая в своеобразный, не похожий ни на какой другой мир, мир, открытый им самим, озаренный светом его неповторимого дарования.

И, следуя за ним в этот мир, стремясь до конца понять мысль каждой сцены и сценки, невольно боишься, что неумолимо последующие гулкие хлопки выражающих свой восторг зрителей оборвут действие, помешают уловить последний самый важный акцент. Я думаю об этом и не могу аплодировать, и вижу что не совсем одинок в этом. И я несколько раз замечаю характерный и значительный жест артиста. Он подносит палец к губам: тише! Значит, думаю я, ему тоже нужно на шумное одобрение зрителей, воспринимательно легко, чудесно исполняемых трюков. Он хочет избежать постижения образа, психологического рисунка, лежащего в основе спектакля и каждого его компонента. Для меня важно выражение глаза мима, ряд мгновенных изменений его лица, очень выразительного, значительного. Важна сказочная, романтическая атмосфера всего действия.

Как не вспомнить, например, андерсеновского принца-свинопаса, наблюдающего сцену «Велосипедист и девушка», как не вспомнить вообще трогательную, грустную и в то же время мудро несмешливую мелодию сказок Андерсена, его умение одушевлять вещи и предметы, наделять их жизнью.

Итак, велосипедист. Он выкатывается медленно на немудрящем, неуклюжем велосипеде и, плененный неожиданно встреченной девушкой, останавливается. Он смущен, он слезает с седла и неловко берет велосипед за руль—руль отваливается. Он еще больше смущен, и за какую бы часть велосипеда он ни взялся, та ослезает в его руках... Что же дальше? Велосипедист начинает демонстрировать свое мастерство, выезжая на немисливо искривленных колесах, и, наконец, вообще на одном колесе. Вот уже и девушка очарована, ждет его, но... напрасно.

Так и андерсеновский принц уходит из королевства, отвергая признание принцессы, приобретенное диковинными, искусно выполненными подношениями. Ведь принцесса не увидела подлинной ценности его первого и самого дорогого подарка: живой розы и живого солдата.

Но повторения, лишний бездумной принцессы, повторения

ГЛАЗАМИ КЛОУНА

хлопать исполнению трюков, а не сопереживать рождению живого характера, не вдумываться в смысл сцен, обладающих глубокой и простой мудростью притч, обладающих душой, которую вдыхает в них Енгибаров?

...Рассеянный бандит останавливается, должно быть в аллее парка, гуляющую пару. Он что-то от них требует, но, впрочем, милостиво отпускает, обнаружив, что в кармане не оказывается пистолета — посыл, наоборот. Ищет. Уходит. Кладет пистолет поднимает случайный прохожий. Опасная находка! Она переходит из рук в руки, и как трюковые движения берущих оружие. Так и кричат руки каждого: подальше, подальше, чтобы даже ты, на меня не пале, чтобы не запятнаться нечаянно, чтобы и свидетелем не быть! И только клоун. (Енгибаров) в этой ситуации совершенно невозмутим, он безмятежен даже лицом к лицу с бандитом. Он забавен, этот клоун! как

будто хочет опустить пистолет в урну, но, заметив, что бандит куда тянется, любезно протягивает находку прямо ему, тот флирт, отдергивает руку—боится улики, свидетеля.

Некоторое время длится этот безмолвный диалог, а затем клоун предлагает посоветоваться в молчости. Берет у бандита шляпу, вешает на нее что-то и стреляет. Теперь очередь бандита, тот выразительно складывает в ствол одну пулю за другой. Он не намеревался стрелять. Клоун ждал с мишенью шляпой на голове. Он или смилостивился, или верит в живую вскрывающую воду и прочие чудеса из сказок, в то, что это обречено на поражение. И чудо! Клоун стоит под выстрелами, а потом спокойно выплывает в урну литье тяжелые пули...

О жесте. Он многозначен, как слово, и столь же недумосмыслен, единственно возможный, как точно, верно найденное слово. В толико что рассказанном эпизоде спектакля—это жест рук, отталкивающих, передающих опасную находку, жест, в мгновение расширяющий трагизм всей ситуации. Такие парализованные страхом люди будут безучастны к беде ближнего, равнодушны к ней, это — атмосфера назревающей трагедии... И даже счастливый финал не может заставить забыть ее, не принести равновесия. Как ясно слышим, и между тем же безмолвным языком в буквальном «мелочных трагедиях» пантомимы «Пляски женщины» «В костеле»!.

Строгую симметрию узору в калейдоскопе может создать любовь, пусть неловкое, пусть самое неуловимое движение. В этом спектакле весь, как принято говорить «калейдоскоп» красок, различных компонентов сценического действия подчинен умной воле исполнителя главной роли, каждого артиста Армянской ССР Леонида Енгибарова и режиссера, художественного руководителя театра Юрия Белова. Идет единый диалог, тактильный, не сбивающийся с ритма, захватывающий, где Леонид Енгибаров рассказывает нам о своем пленительном и в грусти, и в радости мире, и его герой мудро и ярко ведет повествование о жизни, о героях и подвигцах, о счастье и беде. И я не хочу аплодировать, боясь помешать актеру, боясь прервать действие, мысль, и вижу, что не совсем одинок в этом. И я аплодирую Енгибарову и его товарищам, спектаклю, необычному своей новизной, хотя может быть, еще не вполне гармоничному, потому что театральный коллектив, создавший этот спектакль, очень молод, только рождается сегодня... Я аплодирую, и в этом сожжем не одинок.

Д. БЫЧКОВ.